

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. П. Колпакова

УРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК *

(ИЗ ЗАПИСОК ФОЛЬКЛОРИСТА)

16 сентября 1951.

Поезд Ленинград — Свердловск.

Едем второй день. На Урал, за сокровищами. За самоцветами, за малахитами, изумрудами, аметистами? Нет!

Мы не геологи. Специальность у нас другая: мы — экспедиция Государственного научно-исследовательского Института театра, музыки и кинематографии, работники его Фольклорного кабинета. Наши основные задачи — собирание и изучение музыкального фольклора, особенно — фольклора послевоенного времени. Рабочая группа наша¹ с 1944 года каждое лето выезжает в различные районы нашей страны для планомерного обследования их фольклорных богатств. Мы уже привезли сотни музыкальных и текстовых записей из Ленинградской области, из деревень под Костромой и Ярославлем, из саратовских степей и других мест, где в полный голос звучат сегодня и наши чудесные старинные песни — и новые, рассказывающие о нашем современном народном быте, хозяйстве, трудовой доблести, а также лирические песни. Сегодня — очередь нового, послевоенного Урала, где мы до сих пор еще не бывали и где — мы не сомневаемся — найдется для нас немало интересного. Сейчас мы направляемся в Свердловск, а там посоветуемся с местными работниками и выясним, в каком районе нам целесообразнее всего начать наши поиски.

18 сентября 1951.

Свердловск.

Приехали. Остановились в гостинице «Большой Урал». После рабочего совещания первым объектом для обследования наметили Белоярский район, а пока знакомимся с городом, которого никто из нас не знает.

Здесь много больших старинных зданий начала XIX века — бывшие правительственные учреждения; основательные, тяжелые, с колоннами; есть и немало красивых новых. Общий характер города — камень, тяжеловесная деловитость, добротность. Стихия камня сказывается в са-

* Н. П. Колпакова принадлежит к первому поколению советских фольклористов. Начиная с 1920-х годов, она принимала участие во многих фольклорных экспедициях в различные районы нашей страны. Во всех поездках она вела путевые дневники. Дневники эти, в основном не опубликованные, содержат много интересных материалов. «Уральский дневник» — одна из глав ее фольклористической летописи.

¹ Основной состав ее — музыковеды Н. И. Жемчужина, О. К. Соловьева, В. Ф. Кожаль, хореограф М. Д. Яницкая, словесник Н. П. Колпакова.

мой породе строительного материала, в мощности каменных построек, в отделке зданий; сказывается она и в художественных образах местного фольклора: от коридорной в гостинице мы уже записали первые частушки:

Много звездочек на небе,
Золотая всех ясней.
Много камня на Урале,
Мрамор-камень всех сильней.

На Урале мрамор-камень
Поднимается скалой.
Наше слово деловое
Словно мрамор голубой.

Бродя по городу и восхищаясь им, мы неожиданно оказались перед домиком декабристов. Мы ничего о нем раньше не знали. Домик стоит на улице Толмачева. Он очень старый, деревянный, с несколько разрушенными воротами и калиткой. На нем висит мемориальная доска. Мы знали только, что в 1827 году декабристы проходили этапом через Екатеринбург (Свердловск). Старожилы называли нам имена, сохранившиеся в памяти свердловчан: И. И. Пущин, А. И. Одоевский, Н. А. и М. А. Бестужевы, Д. И. Завалишин. И рассказывали интересные подробности.

Оказывается, именно в эти годы жил в Екатеринбурге на Сибирской улице гранильщик Александр Петрович Свешников. Этот вдумчивый, серьезный человек вел летопись Екатеринбурга 1820-х годов. И в семье его потомков до сих пор хранится рукопись с рассказом о декабристах. Запись невелика, но все-таки любопытна. Дело было так.

В те годы А. П. Свешников был еще молод. У него был брат Вася, работавший на ямском дворе, куда поместили на ночлег проезжавших декабристов. А. П. Свешников узнал, что через Екатеринбург гонят по этапу политических ссыльных, пришел к брату на ямской двор и начал изыскивать способы взглянуть на «бунтовщиков», к которым никого не допускали.

— Какие они? — спросил он брата. Вася засмеялся.

— Такие же люди, как мы с тобой. Я несу им свечу. Хочешь — неси вместо меня.

А. П. взял у брата свечу и вошел в комнату, где в полумраке при одной свече сидели декабристы. У дверей жандарм остановил было его, но увидав, что это просто слуга со свечкой, пропустил. Декабристы сидели вокруг стола.

«И все солидные, ничем не походили на бунтовщиков, — записал А. П., — я поставил свечу на стол. Один который-то сказал мне «спасибо». Я поклонился, потому что мне приятно так стало, что они мне сказали спасибо. Я вернулся к Васе и сказал: «Вася, да какие же это бунтовщики? Не поверю! Я думал, они страшные, а это самые хорошие люди». Мне сказал Вася: «Не знаю, почему они оказались бунтовщиками, а люди они очень хорошие». Наутро, когда я сидел за станком и работал, мимо нашего дома промчались три тройки с теми людьми за заставу по сибирскому тракту. Помню хорошо, мне до глубины души стало жалко тех людей».

Тракт в Сибирь, «Владимирка», проходил через Белоярский район. В Белоярске имеется местное старинное кладбище. Здесь показывают могилу декабристов, погибших по дороге на каторгу. Никаких монументов или крестов с надписями на этом кладбище нет, — одни холмики, поросшие травой, и легенды вокруг них.

22 сентября 1951.

Белоярский р-н. Станция Баженово.

Уже на первых порах оказалось столько материала в самом Свердловске, что мы несколько задержались там и только вчера выехали в область. Два часа ехали поездом среди осенних золотых уральских

лесов и уже в темноте прибыли на станцию Баженово — центр Белоярского района. Нас встречала машина райисполкома. Погрузились в кузов и помчались по темным дорогам и проселкам, держа курс на луну, освещавшую нам путь значительно ярче местных фонарей.

Подъехали к крошечному домику в три окна — местный «Дом для приезжих». Это простая русская изба, украшенная кумачовыми занавесками и цветами в горшках на подоконниках. Комната только одна для всех приезжих; хозяйка, заведующая этим «Домом», живет тут же за печкой. На ночь отворили из-за духоты два окна, а к утру промерзли до костей. С утра опять — несусветная жара... Трудный климат для непривычных ленинградцев!

И условия для ночлега были трудными: рано начали доить на дворе мычавшую корову, а главное — чуть не с середины ночи принялись кричать под окнами петухи. Да ведь как! Спать было немислимо. Но это не существенно: мало ли что бывает в экспедициях! Важно то, что тут, несомненно, места фольклорные и что работа для нас найдется. Сегодня едем отсюда, из административного центра, в места народно-творческие, в деревню Измоденово.

*24 сентября 1951.
Дер. Измоденово.*

Вчера среди дня за нами прибыла из деревни Измоденово грузовая машина и по ярким полям и перелескам с золотыми березками помчала в сторону от Баженова. Дорога была такая, что от тряски на ухабах под нами немедленно треснула и провалилась доска, на которую нас усадили, и дальше мы всю дорогу ехали уже на две машины вперемешку с нашими чемоданами и рюкзаками. Через нас перекатывались какие-то грязные ведра и другие посторонние науке предметы. Но и это — пустяки. И не такое с нами бывало!

Пока ехали — конечно, жадно оглядывались по сторонам. Здесь очень своеобразное оформление крестьянских дворов. Это как бы маленькие крепости. Участок замкнут четырьмя довольно высокими стенами-забором, так что ни с какой стороны, кроме ворот с калиткой, во двор не проникнуть, и снегу зимой двора не замести. Стены-заборы покрыты навесами, под которыми во дворе лежит всякая утварь. На воротах — крепкие железные запоры. Дворы уютные; на створках ворот и на дверях калитки нередко виднеются резные деревянные барельефы, чаще всего в виде солнца с лучами.

Прежде всего мы собрали исторические сведения о местном крае. «Измоденово» — испорченное «Измайлово»: название произошло от имени некоего татарина Измаила, который поселился тут в XVIII веке. Сначала за ним последовало еще пять семей, затем селение разрослось. Люди стали заниматься сельским хозяйством и кое-какими лесными промыслами, — кругом такие великолепные леса! Из Каслей в Измоденово возили литье. Один из возчиков взял однажды в Каслях болванки и начал делать детали к сельскохозяйственным машинам. Начало оказалось удачным. За первым стали работать и другие — постепенно образовалась ремесленная артель. В 1917 году артель стала государственной. Сейчас тут колхоз.

Нас встретили очень приветливо. Заинтересовались нами и сразу же пришли на запись. Петь измоденовцы чрезвычайно любят и поют много. Нам предложили песни самых разных жанров.

Есть тут очень интересная старушка — Ксения Григорьевна Каштанова. Она смолоду славилась как хорошая певица; во время войны сочиняла сатирические песни про фашистов и патриотические — про пар-

тизан, а сейчас складывает современные частушки. Вокруг Измоденова есть и другие деревни, где так же сильна песенная традиция. Побываем и в них.

26 сентября 1951.

Г. Березовск.

24-го золотыми рощами, перелесками и полями направились мы из Измоденова за четыре километра на разведку в дер. Некрасово. Шли, чтобы пригласить некрасовцев на следующий день к нам, так как тащить в руках магнитофон из Измоденова в Некрасово нам было трудно. Они очень охотно пришли вчера, и мы весь день записывали их. Хотя расстояние между обеими деревнями совсем небольшое, однако в репертуаре у некрасовцев кроме песен, известных в Измоденове, оказалось немало и других. И поют они не так, как измоденовцы, и сами это понимают. По их словам, они, некрасовцы, протяжную песню «заворачивают», а измоденовцы ее «качают». Эти труднообъяснимые термины обозначают определенную манеру исполнения. У стариков, конечно, репертуар оказался более традиционным и художественным; молодежь, к сожалению, все-таки больше всего любит и знает мещанские романсы. Но говорят, что, вырастая, эта молодежь постепенно проникается любовью к старой песне и исполняет ее в манере отцов и дедов.

Собрали мы за эти дни немало. В ночь на 25-е за нами пришла колхозная грузовая машина, чтобы везти нас обратно на станцию Баженово: нам надо было вернуться в Свердловск и через него ехать на следующее место работы — небольшой городок Березовск, где мы в настоящее время и пребываем.

Зачем нам понадобился Березовск? Свердловские товарищи-фольклористы в один голос посылали нас к березовской жительнице, Елизавете Петровне Ключниковой, — автору новых песен, которые исполняют народные хоры; они популярны также среди жителей пригородов Свердловска. Мимо такой певицы мы, конечно, пройти не могли.

От Свердловска до Березовска несколько километров. Мы приехали и опять устроились в «Доме приезжих». Хозяйничает тут добродушная древняя бабка, которая давно скучает без постояльцев. Она очень нам обрадовалась и сразу же принялась знакомить нас с местным населением.

Как всегда в новых местах, мы начали с исторических сведений. И так вышло, что сначала мы познакомились с человеком, в своем роде еще более примечательным, чем Е. П. Ключникова: местным краеведом, Александром Семеновичем Мякишевым. Ему 63 года, он энтузиаст, любитель и знаток уральской старины. Мякишев собирает и бережет местные рукописи, документы и самоотверженно трудится над материалами по истории родного края. Он искренне заинтересовался нашей работой и сообщил нам много интересного о городе Березовске².

Оказывается, название города произошло от обилия берез вокруг и от Березовой Пади — места неподалеку отсюда, названного так еще в XVIII веке. Эта Березовая Падь примечательна тем, что в 1745 году местный крестьянин, Ерофей Марков, нашел здесь золотой самородок (первый в этих местах) и немедленно составил челобитную в Петербург. Вот что в ней говорилось:

«В Главную канцелярию горных заводов правления челобитчика-раскольника деревни Шарташ Ерофея Сидорова сына Маркова.

Челобитная, а о чем — тому следуют пункты:

1. А ехал я в 21 день мая месяца из деревни Шарташ в деревню Становую на своем коне к брату моему Константину Сидорову сыну Маркову в гости на именины. И дорогой той коло ручья, что в Березовой Пади протекает, где углежоги уголь выжигают,

² Все, что мы от него услышали, он подтвердил нам целым рядом документов, с которых в свое время сделал копии, роясь в свердловских архивах.

нашел три неизвестных мне камней, а сведущие люди сказывают, камни-де те золотом именуются, а я в том несведущ.

2. А сказывают люди-те, что в сих местах золоту должно быть, а думая о благодати отечества, долгом чту своим бить о том челом канцелярии горных заводов правления и те три найденные камня при сем же прилагаю.

Ерофей Сидоров Марков неграмотный, а по просьбе его повытчик Колесов руку свою приложил.

Документ этот («Дело о сыскании раскольников Марковым золотых камней») взят был А. С. Мякишевым в начале XX века в архиве Уральского горного управления, где А. С. служил в то время. В годы гражданской войны архив был в значительной части уничтожен, но благодаря старому краеведу челобитная Маркова оказалась переписанной и спасенной.

По челобитной Маркова были начаты разведывательные работы. Но дважды они не дали результатов, и Ерофей Марков был дважды выпорот за якобы ложные показания. Наконец, золото было действительно найдено. 11 ноября 1745 года из Петербурга пришел указ:

...«Поступать с раскольников Марковым без озлобления, дабы через то к совершению полезного прирбытка мог он тщиться, за что и награжден быть имеет, а к разведке приложить тщение».

Через год, в 1746 году, — новый Указ Бергколлегии (от 8 января, № 73):

«1. Многие изыскания учинить не токмо в том месте, где золото найдено, а и поблизости тех мест, а буде таковые места сыщутся, доподлинно в них утвердиться не сумнительно и надежно.

2. И в том исследовании помянутых золотородных мест искать с крайней прилежностью и тщением и чинить с ними согласно науке горной.

3. Того ради прилежно осматривать, где возможно и случай допустит, не найдутся ли иные богатства — металлы и минералы и описывать такие места особо».

Проходит еще четыре года — и новый Указ предписывает привлекать к работам «кандалных», т. е. беглых солдат, беглых крепостных — людей, скрывавшихся в Сибири, они не были судом приговорены к каторге, но все же должны были отбывать какое-то наказание. «Кандалные» строили дома на две-три семьи. К ним стали присоединяться свободные (непойманные) беглые крепостные и рабочие с разных концов России. Их охотно принимали на работу. В 1755 году был основан Березовск — тогда еще не город, а только прииск. В начале XIX века в Березовске было уже 740 домов, 1914 мастеровых, церковь, школа. В 1814 году мастер Брусицын открыл в Березовске рассыпное золото. Потом в Березовске стали добывать горный хрусталь.

Самый город (городом он стал с 1950 года) очень любопытен: в центре — каменные домики, магазины, большой клуб, кафе-столовая. Но сразу же в стороны от центра идут улицы с деревянными, вполне деревенскими мостками. Тип архитектуры — вырождение обширного дома-крепости, какой мы видели в Измоденове и в Некрасове: уже нет замкнутого квадрата из жилья, амбара и других подсобных помещений, но отдельные элементы те же. Много деревянной резьбы. От деревенского типа сохранилось и параллельное расположение дома и амбара фасадами на улицу, и стены-заборы с калиткой и крышей. Многие дома стоят на земле явно непрочно и крятся то вправо, то влево, то как бы оседают назад. Это потому, что хозяева издавна потихоньку от соседей подкапывали свои жилища и искали в своих владениях золото: район-

то ведь золотonosный. В Березовске находили самородки до двух пудов весом. Понятно, что каждый хозяин стремился заглянуть в недра собственного участка: а нет ли и у меня того же?..

Здесь есть одна замечательная улица — «Красных героев». Обыкновенная деревенская улица, даже не очень широкая, но по ее сторонам стоят совершенно изумительные дома. Многие из них явно конца XVIII века. Резные наличники, ворота, пилястры, ставни, завитки рококо в деревянной резьбе, чуть тронутые краской, резные колонки в верхней части ворот и калиток и многое другое в этом роде. Но главное — «крохотные» домишки, сложенные из стволов громадных лиственниц, так что в стене всего пять бревен, но каждое диаметром не меньше метра. Похоже на какие-то сказочные избушки.

1 октября 1951.

Там же.

Кроме сведений исторических, А. С. Мякишев сообщил нам несколько старинных песен и между ними две весьма примечательные. Первую он выписал из рукописного песенника XVII века, принадлежавшего его соседу, но ныне утерянного. Это бытовая женская лирическая песня:

Помолюсь-ка я, поклонюсь-ка я
Красну солнышку, лику радости.
Поклонюсь-ка я, помолюсь-ка я
Бледну месяцу, что в поднебесья.
Поклонюсь-ка я, помолюсь-ка я
Утрей зореньке да позоревой:
Не издастся ль мне, не случится-ль мне
Обежать вокруг доли маятной,
Мужа лютого, свекра жадного, свекры-

И молилась я красну солнышку,
Поклонялась я бледну месяцу
И я жалилась ясной зореньке.
Одного лишь я и не чаяла:
Ни к чему были все моления.
Изжила я жизнь, как и все живут,
Как и все живут люди бедные.
Доля радостной не притулилось —
И вся жизнь прошла черным горюшком...

волчицы...

А вторая — старая песня каторжников:

Ах, далек наш путь, далекая махина,
Эх, да как-то нам тот путь дорожку прошагать!
Эх, да как придем, придем до Сахалина —
Много лет там будет отдыхать.
Все бы, братики, нам было ничего,
Если б сняли с нас железны кандалы.
Прошагали бы дороженьку легко, —
Кандалы-то нам уж больно тяжелы!
Эх, конвойные, кормильцы наши вы!
Пожалейте арестантов-бедняков!
По дороженьке, далекому пути,
Отпустите нас, родные, без оков!
Эх, да верно вам начальство не велит
Потакать нас, арестантов-варнаков.
Да, далек, далек наш путь лежит
До далеких Сахалинских берегов.
Эх, да как-нибудь мы все-таки придем
На прекрасный на тот остров Сахалин,
И как только там немного отдохнем —
И оттуда стрелача мы зададим!
Ничего для нас не страшно, каторжан.
Кандалы легко мы с ног своих собьем,
Острый нож положим во карман,
В руки палочку-дубинушку возьмем.

По Сибири мы сторонушкой пройдем,
А что хлеба нам — чалдоночки дадут.
Кто не тронет нас — и мы, брат, обойдем,
Кто обидит — так тому дадим капут³.

2 октября 1951.
Там же.

Наконец познакомились мы и с Е. П. Ключниковой. Это милостивая и совсем еще молодая женщина — ей 36 лет. Она замужем за инженером и у нее большая семья. Е. П. много читает, рвется к образованию, а песни знает и любит с детства. Ее бабушка была крепостной и слыла мастерицей-певуньей, дед был братом известной певицы, артистки Плевницкой. Замуж Ключникова вышла очень рано — в шестнадцать лет. Она действительно сама складывает песни и особенно любит сочинять бытовые сатирические — о неловких хозяйках, о легкомысленных и неверных мужьях. Некоторые из этих песен поют в Уральском народном хоре и они вообще известны по колхозам. Кроме песен, мы записали от нее частушки на особый напев «копаролечка» (от слова «копать», рыть) со специфической местной тематикой:

Лес кондовый, дух медовый,
Черная смородина!
Наши горы вековые —
Самоцветов родина.
Не березынька заваяла,
Листочками звеня:
Малахитики зеленые
Осыпали меня.

У меня кольцо витое,
Самоцветик голубой.
На гуляньи и в забое
Всюду вместе мы с тобой.
Эх, Урал, ты Урал,
Земля золотая!
Самоцветами цветет
Сторона родвая!

Некоторые частушки она поет целыми циклами, так что получается как бы новая песня — с сюжетом, стройным содержанием, художественными образами. Это, несомненно, один из способов создания новых современных песен.

Кроме Е. П. Ключниковой записываем, конечно, и других. Тут есть певческие группы по 3—4 человека, которые привыкли петь вместе. Они приходят к нам на запись, поют и попутно рассказывают предания и легенды о местном крае и его окрестностях.

Рассказывают и о прежних формах бытования старых песен. В прежнее время девушки собирались по вечерам без парней — трепали и чесали лен. Эти посиделки назывались *копотихи* (от «копоти» — пыли, которая поднималась при этой работе). Осенью бывали *супрядки* с девичьими рукоделиями и песнями. Зимой на святках — *игрища*, т. е. вечеринки с парнями. Протяжные песни можно было петь круглый год; *круговые*, т. е. хороводные-игровые, только летом, с «Николы вешнего» до страды, а плясовые — на игрищах.

Старшее поколение рассказывает нам и о другой старине: о старобрядцах. Неподалеку от Березовска есть деревня Сарáпулка. В начале XVIII века на ее месте происходили драки раскольников разных толков, которые сходились сюда для религиозных диспутов. Они дрались («сарáпались» по местному произношению, т. е. «царапались»), и деревня, возникшая на этом месте около 1740 года, получила такое странное задорное название. Как рассказывают старожилы, в Сарáпулку и Старую Пышму, основанную между 1701 и 1710 годами, ссылали пленных шведов: по распоряжению царя Петра они гнали здесь смолу для нужд горных заводов.

³ Все материалы этой экспедиции хранятся в Фольклорном кабинете Института театра, музыки и кинематографии в Ленинграде. Почти все не издано.

Неподалеку от Березовска есть селение Шарташ на озере того же названия. Оно достаточно известно в истории старообрядчества. По местным рассказам Шарташ основан в 1672 году. Как указывает запись в книге «Триодь постная», хранившейся у местного раскольника Степана Федоровича Малкова (умершего в 1918 году 114 лет от роду и бывшего много лет начетчиком раскольничьей шарташской молельни), Шарташ был основан неким иереем Устином: «Смиранный иерей Устин забре в си места лета от рождения Христа 1672 мая 5 день и зде у озера глаголемого Шарташ пристанище обре со стадо пасомо, воздвигша храм господень. И быша зде узнаемо единовѣрны людие обитахуся на востоце за деревня Становая мужска пол 58 женска 61. Бозе престашеся смиренный иерей Устин лета 1696 генваря 21 день».

Жители Шарташа до 1917 года занимались выделкой кож для нужд местных горных заводов. Сейчас это пригород Свердловска. Деревня Становая, о которой упоминается в записи, основана в 1647 году. Тут по пути в Сибирь останавливался на отдых («станом стоял») Ермак, — отсюда и название деревни. Очень долгое время тут жили только старообрядцы.

4 октября 1951.

Полевской р-н. Полевское.

Вчера на дребезжащем автобусе выехали из Березовска, прибыли в Свердловск и через него направились по Челябинской ветке железной дороги опять в новую сторону. Нам надо было попасть в Полевское, в Бажовские места.

Езды было около трех часов в холодном, дымном поезде, к тому же в глухую ночную пору. Прибыли на станцию Криолит.

Вплотьмах, не без применения физической силы, втиснулись в маленький местный автобус и, качаясь, как по волнам, по отчаянной дороге вскоре прибыли в довольно удобный местный «Дом приезжих». Окрестностей по дороге в темноте было не разобрать, но и сквозь тьму чувствовалось, что кругом горы. Когда вылезли из автобуса, увидели кругом дома из таких огромных толстых бревен, какие могут, конечно, родиться только на Урале.

Утром выяснилось, что, несмотря на свое название, Полевское окружено не полями, а горами. Здесь есть Азов-Гора, Думная Гора, Медная гора и многие другие, о которых писал П. П. Бажов. Все эти горы возвышаются над селением (которое с недавних пор тоже город) и отделены от него широким водным простором плотины. Здесь две реки — Полевая и Ревда. Одна течет в Европу, другая — в Азию. Горы и вода делают Полевское совсем непохожим на селения Белоярского района или Березовск. Здесь еще сильнее, чем там, веет настоящим могучим Уралом. Это сказывается во многом: в великанах-пихтах, осеняющих местные домики, в черно-рыжей окраске огромных бревен, из которых рублены жилища, в необъятных печах. Все это непомерно велико, внушительно, прочно. По улицам валяются обломки белого мрамора и других камней, которые не сдвинешь с места: недалеко — поселок Мраморское, где изготовляют изделия из уральского мрамора. Люди тут ходят в добротных высоких сапогах и полушубках (уже в октябре!). Сами они тоже высокие и добротные — широкоплечие, с открытыми лицами. К сожалению, подстать общей солидности и внушительности и грязь на улицах — глубкая, вязкая до того, что ног не отодрать от земли. Словом — во всем масштабность.

Очень интересны дома с обилием резьбы на древних деревянных воротах и наличниках. Кое-где снаружи к столбам ворот прикреплены длинные железные цепи — коновязь. В домах есть половицы по метру в ширину. Есть дома двухсотлетней давности, конечно, деревянные. Ос-

новной тип построек тот же, что и в других местах, где мы побывали: квадратный замкнутый двор со службами. Но все — грандиознее и выше, чем в Белоярском районе, а тем более в Березовске. Внутренняя крытая галерея во дворе делается иногда в два этажа. Одному дому около нашего пристанища 250 лет: он сделан топором без пилы и даже все доски тесаны топором. Внутри своеобразная планировка и ряд бытовых предметов XVIII века: большие плоские сундуки, стулья петровских времен и др. Живет в этом доме 250 лет из поколения в поколение одна и та же семья. Дом находится под охраной государства.

Песенный материал для нас тут особой ценности, кажется, не представит. Мы повидали сегодня местного краеведа Д. А. Валова, который очень помог нам. По его совету мы познакомились с некоторыми старожилками; они знают старые песни, но обычая петь вместе у них нет. Вообще население здесь неоднородное, сборное, и это сказывается на фольклорном материале. Надо всем царит завод, где есть клуб с разнообразными кружками и хором; основной репертуар хора — массовые песни советских композиторов.

Но поскольку тут — завод, значит, надо было искать тайный рабочий фольклор, сведения о прежних забастовках, о старых подпольных песнях. Все это должно храниться в памяти рабочих-старожилов. И мы не ошиблись. Нам очень быстро напели старые частушки:

Как на Думной на горе
Камень шевелится.
Мой братишка боевой,
Царя не боится.

Как на Думной на горе
Ребята судят о царе.
А чего о нем судить?
Без него можно прожить!

Как на Думной на горе
Огонечек не горит:
Ваня Торопов не робит,—
Б подтюремочке сидит...

Э, машина, кругом, кругом,
Расстаюсь я с милым другом.
Эх, машина паровая,
Провожала мать родная!

Эта последняя частушка пелась при проводах политических ссыльных. Была и песня, отрывок которой (сколько помнили) нам сообщили старые рабочие, певшие ее на тайных сходках:

Тише, тише, все заботы прочь в эту ночь!
А быть может завтра в эту пору
Нас отправят на тот свет.
А быть может завтра в эту пору
У нас будет уж Совет ...
Так, пой, товарищ, пока поется.
Горе жизни забывай.
У коммунаров так ведется.
Так пой же, брат, не унывай!

Запись эту мы проверили среди нескольких старых рабочих. Текст всюду совпадал. Но точных данных о том, когда именно была создана эта песня или откуда пришла в эти места, нам сообщить не могли: не помнили.

Некоторые старики помнят песню, которая когда-то пелась исподтишка крепостными на уральских демидовских заводах:

Вы заводы, заводы Демидовые,
Не Демидовы заводы — государевые!
Да почему завод слывет?
Купчанина тут живет!

Купчанин по плетинушке спохаживает,
Крестьян на работу принаряживает:
«Крестьянушки, батюшки, да работайте на меня,
На меня, на меня, на меня, на барина.
Да у меня, у барина, работа тяжелая!»...
Ах, пеня, кореня, из крутой горы каменья!
Из-под камушка руда, да там работа тяжела.
Со работы руки ноют, со гульбы ноги болят,
Со гульбы ноги болят, нам гулять не велят...

Но особенно много тут сказов, которые мы записываем попутно с песнями главным образом тоже от старых рабочих.

Есть сказ о «Трех столбах»: богач Пятигор заставил своего крепостного искать ему голубой камень и без этого не соглашался женить его на любимой им девушке Маше; подосланные Пятигором слуги убили парня, когда он нашел камень, но в наказание сами окаменели на том месте и превратились в три столба. Есть сказ о горе Азов, названной так по имени атамана Азова, подстерегавшего проезжих купцов и грабившего их; и о «Девке-Азовке», которая жила в пещере на склоне этой горы и тоже нападала на людей. Д. А. Валов рассказал нам, что гора эта с ее пещерами, скалами и лесами очень красива и что в 1940 году местные ребята нашли там маленькие металлические идолы — как определили археологи, скифского периода.

Сказы о Думной горе связаны с Пугачевым: здесь жители Полевского собирались, ожидая его. Название «Думная» имеет несколько объяснений:

1. Какой-то дьяк по прозвищу Думный еще до Пугачева хотел тут организовать свои разработки медной руды.

2. С вершины этой горы был очень хорошо виден весь район и здесь можно было обдумывать планы его разработки.

3. Пугачевцы, стоя на этой горе, видели отсюда соседнюю Азов-гору, поросшую лесом, и, благодаря темноте, им «подумалось», что это не лес, а полки врагов; это заставило их уйти с Думной горы.

Сказы о горе Мочаловой, о горах около речки Поварной связаны с преданиями о разбойниках, о зарытых кладках. Сказов этих очень много. Про гору Маяк сообщил нам тот же Д. А. Валов: мимо этой горы шла основная тропа из Сибири в Москву, и в XVII—XVIII веках на нее, как на маяк, шли караваны купцов. Отсюда ее название. Во всех горах были пещеры, где находили старинное оружие, и это, конечно, тоже способствовало появлению легенд.

Названия отдельных рудников связаны с разными причинами. Так, например, рудник «Зюзелку» называли по протекавшей поблизости речке Зюзелке (в ней было много жидкой грязи, а в местном произношении слово «жижа» звучит как «зиза»); рудник Гумешки был так назван еще в XVIII веке, когда при обследовании ям с медной рудой были обнаружены два гуменца (холмика); на Гумешках был «целый котел» разных пород — ляпис-лазурь, колчедан, медная руда и другие. Богатства на руднике были огромные. Но разработка и металлов, и камней — хризолита, малахита и др. — велась в прежнее время бестолково и неорганизованно.

И многое другое рассказал нам приветливый Д. А. Валов, друг П. П. Бажова, который, говорят, многое использовал из его рассказов в своем творчестве. Вот уже не первый раз встречается нам скромный, умный местный житель, который незаметно работает по исследованию своего края, собирает материалы, пишет его историю. И все это — без всяких требований вознаграждения, исключительно из любви к родной земле, из желания сохранить о ней побольше сведений для потомства.

Вспомним Ерофея Маркова, который тоже старался «о благодати отечества»... Удивительно хорошие, благородные люди!

Сказы — основной наш фольклорный сбор в Полевском. Их мы записали очень много, тем более что других народно-поэтических произведений тут немного. Скоро едем обратно в Свердловск.

14 октября 1951.

Поезд Свердловск — Москва.

7-го вернулись из Полевского в Свердловск и прожили там опять в «Большом Урале» до вчерашнего дня: кончали обработку собранного материала. В этот раз, между прочим, мы познакомились с местной старожилкой, Федосьей Алексеевной Зверевой. Ей 60 лет. Она вдова когда-то очень богатого купца, торговавшего драгоценными камнями, в основном изумрудами. Сама же по происхождению крестьянка с Урала, большая любительница и знаток различных камней и минералов; Зверева помогала в работе по собиранию камней академику Ферсману, теперь составляет коллекции для Геологического музея и для школ. Каждую весну, как потеплеет, она отправляется в горы искать новые камни. От нее мы узнали о местном толковании камней: опал, орлец, черная яшма — камни печальные, приносят горе; аквамарин приносит счастье; горный хрусталь способствует разгульной жизни и привлекает к владельцу общую любовь; изумруд приносит счастье и талантливость, а бирюза, наоборот, — камень бесталанных; сапфир — камень скуки; янтарь защищает от зоба; лазурит и ляпись-лазурь помогают от всех болезней, а кровавик, который можно толочь и пить, — от малокровия; маргон (коричневый горный хрусталь) исполняет все желания своего владельца, а рубин приносит богатство.

Все это очень любопытно. Сама Федосья Алексеевна безусловно верит в волшебную силу камней и любит их без памяти: собирает, переприрабатывает, любит ими, мечтает над ними.

Рассказала она нам много местных легенд. Вот некоторые из них:

Два горняка

Жили два горняка. Богатый — Петрович и бедный — Иван. Вот как-то заспорили они об одном месте. Иван хотел там золото копать, а Петрович его отговаривает:

— Не ходи, там полная яма змей. Если и добудешь что — все равно змеи тебя из лесу не выпустят.

А Иван все же пошел. Очень хотел клад найти.

Приходит к горе, где ему говорили, что клад зарыт. Глядит — змей нет. Стал копать. Долго копал. На глубине двух метров вдруг видит — ничего не закопано, а идет целая жила природного золота. Целые золотые плиты. И стал он дальше копать, и нарыл восемь пудов золота. Роет, вверх кидает, а сам в яму смотрит — нет ли змей? А змей-то не видно. Подумал, он, что они нападут на него, когда он золото домой понесет.

Решил подождать, когда зря потухнет. Вечером змеи тоже не пришли. Он золото с собой не взял, только место заметил. Вернулся домой, говорит брату:

— Ну, и нашел же я золота!

Запрягли они коня, вдвоем поехали. Добыли золото, домой приехали. И потом дальше эту жилу разрабатывать стали.

А змеи так и не пришли. Наврал Петрович!

Про глупую бабу Дунюшку

Старик Евдокимыч много лет аметисты искал, да не находил. Разорился весь, — хлеб поели, все продали, ничего больше не осталось. Вот как-то приходит он домой, говорят жене своей Дунюшке:

— Камни «вестовщики» все время попадают, надо думать — гнездо близко. Немножко бы еще нам продержаться! Дай, Дунюшка, твое платье венчалное. Заложу его, еще подтянемся немножко. Ей-ей, камни уже близко!

А баба ревет:

— Не дам! И так разорились! Не в чем в церковь пойти будет! Нет, не отдаю платье. Пришлось Евдокимычу с горя двоих богатых соседей на помощь звать. Дали они ему зерна, муки; да зато пришлось Евдокимычу их в долю на работе брать. Тяжело и обидно ему это было: ведь почти до самых камней один дошел, а при самом конце

дела на трюх делиться надо...

И верно: на третий же день после этого как хлестанули по жиле — и сразу нашли гнездо огромное («мякотина» называется). На несколько тысяч аметистов в гнезде было. Приехали из Петербурга люди и все купили. Богатство пришлось на трюх делить. А дала бы Дуношка платье заложить — разбогатели бы они со стариком. Глупая была баба!

Ермакова лодка

На Нейве-реке мокрый лог есть. «Буженинов лог» называется. Там Ермак Тимофеевич на счастливого человека лодку с золотом зарыл.

Пошли местные люди лодку искать. Как начнут рыть — так сразу вода хлынет, яму зальет. Они дальше роют — а вода все поднимается. Так и не могли докопаться, хоть и много раз принимались.

Вот один старатель, Мишка, пошел как-то раз летом. Приходит на место и говорит: — Покажись, Ермакова лодочка! Отступись, нечистая сила!

Да заступом в землю. Копал, копал — яму вырыл. Казалось ему — полчаса работал, а поднял голову — темно. Неужто целый день копал?

Оставил он лопату, захотел отдохнуть. Только присел на пенек — опять кругом по-светлело. Начал снова копать — опять темно. И ветер в деревьях зашумел, гроза собралась. Что за оказия!

Так несколько раз он принимался — и каждый раз все темнее, все страшнее ему становилось. Под конец вовсе перепугался горняк, отступился. Видит, что с нечистой силой ему не справиться. Лопату на плечо, домой пошел.

Было это лет сто назад. Так после Мишки никто туда и не ходил. Видать, Ермакова лодка с золотом и сейчас там где-то зарытая лежит...

О девке Палашке

Была такая девка Палашка. Дочь рабочего, выросла на приисках. Носила красную юбку с черной каймой, черную кофту и много цветных бус — каждая бусинка из особого камня. И знала Палашка все места, где камни водились. Откуда знала — непонятно. Просто сила у нее такая была. И на камни, и на золото, и на платину. Она счастье приносила каждому горняку, с которым соглашалась к шахте пойти. Ее часто вызывали на разные приiski, но Палашка ходила только к бедным, к богатым никогда не ходила.

Вот как-то раз двое старателей-бедняков попросили ее с ними пойти к шахте. Она говорит:

— Ладно, только вы не смотрите, что я там делать буду.

Они, конечно, согласились. Пошли все. Приходят. Палашка велела старателям за деревьями спрятаться. Они спрятались, да не удержались: стали подглядывать. Видят — Палашка плясать начала. Пляшет да приговаривает, пляшет да приговаривает. Потом остановилась, кричит:

— Выходите, делайте разведку! Сейчас вас изумруды засыпят!

Они вышли, стали копать — и верно. целое богатство наши. Потом повинились Палашке, что видели, как она плясала. А она засмеялась и говорит:

— Эх вы! Хоть и видели, да ничего не поняли. Какие я слова говорила? Не слышали, небось! А без этих слов ничего бы и не было!

А какие это были слова — так никто и не узнал никогда.

Много и других рассказов о приисках, старателях, волшебных происшествиях в горах и необычайной силе заповедных камней услышали мы от Федосьи Алексеевны. И как бы наглядным подтверждением ее легенд послужили нам изумительные коллекции, собранные в Музее краеведения, куда мы попали накануне отъезда. Мы видели огромные «друзы» (т. е. сросшиеся группы) кристаллов аметистов, пирита, горного хрусталя, образцы мрамора самых разнообразных расцветок и рисунков, камни со старинными красивыми названиями, которые мы не могли сразу запомнить; куски руды с блестками золота; красные и голубые руды с зелеными и синими прожилками; кристаллы, сидящие гнездами и выходящие из глыбы камня, как еще не оформившиеся фантазии какого-то гениального скульптора. И тут мы особенно хорошо поняли Ф. А. Звереву, которая каждый год уходит бродить по горам и разыскивает все новые сокровища. Если жить среди таких камней с детства — они могут совершенно околдовать воображение. И не потому, конечно, что все это — огромные материальные ценности: дело в изумительной красоте всех этих богатств, в их сказочности, в их необычайности, которая вызывает к жизни множество домыслов, догадок, предположений и легенд. Да, все это, конечно, может потянуть и увести навсегда в горы. Или — в науку геологию.

15 октября 1951.
Тот же поезд.

На прощанье записали в Свердловске несколько песен — в дополнение ко всему, что нашли в области. Одна — местный вариант известной свадебной песни «Отставала лебедушка»:

Как на море было на море,
Да на горючем сером камешке
Селезеношка косы вьет.
Перед ним утка плавает,
Она плавает, купается...
Как у нас было во тереме,
Во столовой новой горнице
Да как на стуле на ременчатом
Да перед чистым перед зеркалом,
Перед чистым, полированным
Тута девица белится,
Она белится, румянится,
Надевает платье цветное,
Платье цветно, подвенечное.
Ей подруженьки дивуются.
— Не дивитесь вы, подруженьки.
На мое ли на хорошество!
Со своим-то я хорошеством
Отстаю я, молодешенька,
От всего я роду-племени,
Я от тятеньки, от маменьки...

Вторая — историческая:

Тут стояла же э-ой да нова слободка.
Да не слободушка — э-ой, да каменна Москва...
Еще кто эту Москву разорил?
Да разорил Москву э-ой да злой Наполеон.
Напольёша, ой да Напольёша э-ой да парень молодой,
Он ходил-гулял по каменной Москве,
Он ходил-гулял да развеселенький
Э-ой да что по каменной ходил Москве
Да со дубинушкой семипудовую.
Э-ой, да Напольёша, парень молодой.
Не ходил бы ты, парень, по Москве-матушке.
Не остаться бы тебе, Напольёша, без буйной без головы...

16 октября 1951.
Тот же поезд.

Едем мимо чудесных золотых с прозеленью лесов, серых деревушек, маленьких городов. Проехали Арзамас, проехали Муром. Проехали Чувашию, Удмуртию. Видели на станциях женщин в очень живописных красочных костюмах — в длинных рубашках с вышитыми подолами, в ярких поясах и платках. Совсем — экспонаты из Этнографического музея! К сожалению, везде поезд стоял недолго и не успеть было полностью сфотографировать и зарисовать всю эту своеобразную красоту.

Обратный путь из экспедиции обычно — время подведения первых итогов. Каковы же итоги за эту поездку у нас?

Записи уральского фольклора известны издавна, еще с рукописей и изданий XVIII века. Позднее, в XIX веке, было собрано множество

фольклорно-этнографического материала в различных уголках уральского края; библиография тут огромна. Но все это было до нас. А что сделали мы?

Мы постарались выяснить картину фольклорного быта послевоенного Урала. Мы обследовали селения в трех различных районах: сельскохозяйственном (Белоярском), промышленном (Березовском) и горнодобывающем (Полевском). Мы собрали исторические и этнографические данные о местах, где мы работали; сделали несколько сотен музыкальных и текстовых записей; описали пляски, игры, хороводы, календарные обряды уральских деревень.

В жанровом отношении собранный нами материал делится на песни, частушки, сказы. Народных драм, сказок, детского фольклора в наших записях почти не оказалось: все это на Урале существует, но у нас было слишком мало рабочих рук для исчерпывающих записей. Соответственно профилю нашего Института основной нашей добычей явились песни.

Мы зафиксировали традиционный крестьянский песенный репертуар; городскую лирику разных эпох; рабочие и тюремные песни 1905—1917 годов. Как и в других районах РСФСР, где нам приходилось работать, меньше всего мы записали песен календарных и сравнительно немного свадебных. Бывшие солдаты, старики знают патриотические военные марши эпохи турецкой войны 1877—78 годов и войны 1914 года.

Частушки — в основном любовные, наполненные мотивами и образами местной природы и горняцкой работы. Старики помнят дореволюционные любовные «припевки»; сегодняшняя молодежь вплетает в любовную лирику образы современного труда и быта, славит работу на новом, советском, Урале.

Хранится и развивается песня на Урале сегодня в самодеятельных хорах, в небольших коллективах семейно-соседского характера и в репертуаре отдельных, особо талантливых певцов. Ее любят, берегут, молодежь относится к ней с уважением и нередко просит старших «почитать» их традиционным песням.

Таковы наши первоначальные наблюдения. Конечно, все это пока только сырой материал. Углубленная его разработка — публикация, разностороннее исследование — дело будущего.